

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВОВЫХ МОДЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1918–1920 ГОДЫ)

Зайнутдинов Д.Р., доктор юридических наук

FORMATION OF ANTI-BOLSHEVIK LEGAL MODELS IN THE CONDITIONS OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA (1918–1920)

Zainutdinov D. R.

После 1905 г. российская правовая система вступила на путь очередной трансформации, тем самым обозначив формирование новой правовой модели – конституционно-консервативной. Юридическое закрепление данной трансформации получила в виде внесенных 23 апреля 1906 г. изменений в Основные государственные законы, на основании изданных Манифеста об учреждении Государственной думы от 6 августа 1905 г., Манифеста об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г., Манифеста о переустройстве Государственного совета от 20 февраля 1906 г.¹ Следует отметить, что принятие или пересмотр актов конституционного характера часто «становится точкой отсчета в переоценке и обновлении существующих правовых моделей или даже утверждении новых конституционно значимых ценностно-правовых конструкций, образуемых совокупностью учредительных правовых принципов, формирующих основы нового конституционного

порядка и правовой идентичности соответствующего территориально-правового образования»². К 1917 г. в результате развития (хотя и весьма слабого) охранительно-правовых доктрин конституционно-консервативная правовая модель во многом была реализована. С одной стороны, конституционный базис этой модели способствовал развитию парламентаризма, политического плюрализма, либерализации правоотношений, но с другой, консервативная основа не привела к решению проблем классового, национального и религиозного равноправия. Это только усилило борьбу либеральных и революционных движений с монархией. Монархический консерватизм противопоставлял отрицанию имперской государственности идею защиты этой государственности, а индивидуализму, как первооснову политической свободы, идею всеединства, как фундамент государственности³. В результате идейного противостояния все четче проявлялась непригодность конституционно-

консервативной доктрины правовой модели для развития страны. Следует учитывать, что на эффективную или неэффективную реализацию правовой модели влияет целый ряд факторов: политический, социально-экономический, ментальности⁴. Более того, политико-правовые учения теоретиков монархии (К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров и др.) не смогли аргументировано доказать перспективы развития российской государственности в рамках конституционно-консервативной правовой модели, так как, используя давно сложившиеся постулаты патриархального общества, они раз за разом воспроизводили одни и те же идеи. А. С. Туманова и Р. В. Киселев отмечают: «Исходя из... религиозного миропонимания, консервативные мыслители отдавали приоритет публично-правовым обязанностям личности над ее правами, поскольку главное предназначение человека они видели в служении Богу и в принесении пользы государю и государству. Права трактовались консерваторами, как дающие личности возможности для отправления обязанностей»⁵. В воззрениях консерваторов российское общество не должно было отступать от христианских норм, аксиомы богосотворенности человека, божественных заповедей и священства фигуры монаха. По этой причине любые создаваемые ими государственно-правовые идеи и юридические конструкции в сфере публичного и частного права не могли преобразовать ни форму правления, ни создать новый механизм правового регулирования общест-

венных отношений. При этом стоит согласиться с А. И. Овчинниковым, что у русских правоведов консервативного и религиозного вектора идеал самодержавия был весьма самобытным и индивидуальным, так как формирование его происходило на почве синтеза православно-богословских идей еще византийских времен с идеями современной им философии права⁶.

«Наблюдая государственно-правовое развитие России после 1905 г., когда в стране начали реализовываться гражданские и политические свободы, консерваторы убедились, что оснований для оптимизма в связи с введением на русской почве свобод личности нет»⁷. Сформированная конституционно-консервативная правовая модель стала максимальной уступкой, на которую решились пойти монархисты-правоведы. Однако эта полумера лишь усугубила положение самодержавной власти и существующего консервативного правопорядка, что напрямую способствовало краху Российской империи.

Февральская революция 1917 г. стала следствием целой череды масштабных военных конфликтов и социально-политических потрясений начала XX в. (Русско-японская война, Первая русская революция, Первая мировая война), а также совокупности неразрешенных важнейших проблем общественной жизни (нивелирование российского парламентаризма, медлительность в решении земельного и рабочего вопросов, тенденции центризма и унификации в национально-территориальной политике). В целом революционный

период 1917 г. для правовой системы России стал эпохой глобальной трансформации. Правовая модель за относительно короткий период под давлением идеологических течений и разнообразных доктрин меняла один вариант на другой: конституционно-консервативный облик имперский правовой системы (1905–1917 гг.) был заменен Временным правительством на консервативный (классический) либеральный (февраль – май 1917 г.), который под влиянием социалистов эволюционировал в либерально-демократический (май – октябрь 1917 г.). При этом если с октября 1917 г. правовая система стала развиваться в общих рамках социализма, не ориентируясь на конкретное социалистическое направление, то с 6 января 1918 г. (после разгона Всероссийского Учредительного собрания) в развитии правовой модели происходит резкий поворот влево. Страна принимает марксистско-ленинский курс на формирование «пролетарского государства и права».

Таким образом, с лета 1917 г. начинается процесс параллельного формирования нескольких вариантов правовых моделей:

- левосоциалистической (коммунистической);
- правосоциалистической (социал-демократической);
- либерально-демократической.

Такая разнополярность правовых моделей была вызвана невероятной динамикой борьбы идеологических течений за государственно-правовой фундамент России. Российскому обществу предстояло сделать выбор

в пользу одной из формируемых правовых моделей.

В период 1917–1920 гг. правовая модель была поставлена в сильную зависимость от идеологии. Поэтому Февральскую революцию 1917 г. следует рассматривать не только как момент краха имперской государственности, но и как «точку отсчета» Гражданской войны 1918–1922 гг. (в историографии весь период делят на два исторических отрезка: «большая» и «малая» война), в которой идеолого-правовое противостояние различных течений вышло на первый план. Идеологическое давление на общество, государство, право приобрело невероятную силу. В содержание правовой и политической идеологии государства входят комплексные идеи, имеющие прямое деятельно-установочное значение и направленные на практику⁸. Именно в период между февралем – октябрём 1917 г. определялся состав участников будущих противоборствующих сторон в 1918–1922 гг., их взгляды на будущую российскую государственность и правовую систему. Революция октября 1917 г. – это итог того, что в стране сложилось крайне сложное положение с центральной и местной властью. Февральская революция 1917 г. не создала «чистой» либерально-буржуазной власти, не привела и к революционно-демократической диктатуре социалистических партий⁹. Последовательный уход с общероссийской политической арены представителей иных течений в связи с невозможностью воплощения собственных правовых идей ознаменовал приход к власти

левосоциалистических групп и начало радикального переустройства государственности и правовой модели, что вызвало раскол страны.

Таким образом, к концу января – началу февраля 1918 г. практически все российское общество разделилось на четыре крупных идеологических лагеря, представители которых являлись сторонниками определенного пути развития государственности и правовой модели:

– сторонники дофевральского периода 1917 г. базировались на доктринах монархического консерватизма, охранительства, крайнего национализма. В 1922 г. в Приамурском крае образовали «белый» режим, признавший легитимность царствования династии Романовых;

– сторонники февраля 1917 г. базировались на идеях либеральной демократии и консервативного (классического) либерализма. Составили интеллектуальный авангард «белого» движения и основали крупные «белые» государственные образования в 1918–1920 гг. на юге и востоке России;

– сторонники января 1918 г. базировались на идеях социальной демократии и социального либерализма. Сформировали правосоциалистические режимы на территории Волго-Уральского, Северного, Закаспийского и иных регионов России и стремились к восстановлению Российской Федеративной Демократической Республики, провозглашенной Всероссийским Учредительным собранием в 1918 г.;

– сторонники октября 1917 г. базировались на доктринах мар-

ксизма-ленинизма (коммунизма), демократического социализма, национал-коммунизма, которые легли в основу советской правовой модели, просуществовавшей до 1991 г.

Каждый идеологический лагерь имел своих представителей политико-правовой мысли, которые обеспечивали формирование доктринально-правового базиса и занимались созданием теоретико-практической основы для соответствующей правовой модели:

– для консервативной: С.Д. Сазонов (1860–1927), Н.Н. Львов (1865–1940), В.М. Пуришкевич (1870–1920), И.А. Ильин (1883–1954) и др.;

– для либерально-демократической: П.Н. Милюков (1859–1943), П.И. Новгородцев (1866–1924), С.А. Котляревский (1873–1939), В.Д. Набоков (1869–1922), И.В. Гессен (1865–1943), М.М. Винавер (1863–1926), Н.И. Лазаревский (1868–1921), Г.К. Гинс (1887–1971), П.Б. Струве (1870–1944), Е.Н. Трубецкой (1863–1920), В.А. Маклаков (1869–1957) и др.;

– для правосоциалистической: Г.В. Плеханов (1856–1918), В.М. Чернов (1873–1952), Ю.О. Мартов (1873–1923), Н.Д. Авксентьев (1878–1943), В.В. Водовозов (1864–1933), А.И. Гуковский (1865–1925) и др.;

– для левосоциалистической: В.И. Ленин (1870–1924), Л.Д. Троцкий (1879–1940), П.И. Стучка (1865–1932), М.А. Рейснер (1868–1928), Е.Б. Пашуканис (1891–1937) и др.

Первые три группы объединяло неприятие событий октября 1917 г. и января 1918 г., что привело к воз-

никновению масштабного исторического явления – антибольшевизма. Так, в историографии «антибольшевизм» представляется в качестве совокупности различных идей и политико-правовых доктрин, направленных против всей деятельности большевистской партии, в том числе способа ведения политики, методов управления, формируемой правовой модели, новой государственности, построения взаимоотношений власти и общества. Следует особо подчеркнуть, что антибольшевизм не противостоял социализму и не отрицал возможность существования иных его вариантов, кроме марксизма-ленинизма (коммунизма). Антибольшевизм как историческое явление существовал в России в 1917–1922 гг., а в среде российской эмиграции – с 1917 г. до 1940-х гг. Использование термина «антибольшевизм» в историко-правовом контексте позволяет охарактеризовать направленность политико-правовой деятельности, функционирование режимов и государственных образований, созданных на территории России в период 1918–1922 гг.

Государственный строй, структура высших органов власти, порядок их формирования и компетенция в антибольшевистских государственных образованиях были далеко не одинаковы. Различалась и позиция в отношении построения взаимоотношений и взаимодействия с общественными объединениями, профессиональными союзами, политическими партиями, межпартийными организациями, которых на период Гражданской войны было немало

количество. Однако особенно резко различия проявлялись в воззрениях на образ правовой модели будущей России, выбор пути развития национальной правовой системы и отраслевое наполнение системы права. Причина этих различий заключалась в идеолого-доктринальной направленности государственных образований. Если с февраля по сентябрь 1918 г. в антибольшевизме доминировали социал-демократические тенденции, то к октябрю 1918 г. идеологический вектор заметно изменился, приняв либерально-демократическую направленность. Доминирование тех или иных идей и доктрин в государственно-правовой идеологии напрямую влияло на изменение курса правовой политики, а через нее и на формируемую правовую модель. Наибольший интерес для историко-правового анализа представляют именно государственные образования 1918–1920 гг. В указанный период статус неофициальной государственно-правовой идеологии смогли приобрести только два идеологических течения – социальная демократия и либеральная демократия. Поэтому все существовавшие антибольшевистские государственные образования (режимы) 1918–1920 гг., в зависимости от идеолого-доктринального базиса, можно условно разделить на две большие группы.

Первая группа включает в себя такие крупные правосоциалистические антибольшевистские государственные образования:

– Российская Федеративная Демократическая Республика (провозглашена 5–6 января; функционировала

ние с 8 июня по 23 сентября 1918 г.), возглавляемая Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания (В. К. Вольский) (далее – Кочуч);

– Сибирская республика (17 июля – 23 сентября 1918 г.), возглавляемая Сибирской Областной думой и Временным Сибирским правительством (председатель П. Я. Дербер, позже П. В. Вологодский);

– Северная область (2 августа – 23 сентября 1918 г.), возглавляемая Верховным управлением Северной области (председатель Н. В. Чайковский);

– Уральская область (13 августа – 26 октября 1918 г.), возглавляемая Временным областным правительством Урала (председатель П. В. Иванов);

– Закаспийская область (11 июля – до конца сентября 1918 г.), возглавляемая Закаспийским Временным правительством (председатель Ф. А. Фунтиков).

Вторая группа – либерал-демократические антибольшевистские государственные образования, чаще именуемые «белые» государственные образования или «белые» режимы:

– Северо-Западная область (11 августа – 5 декабря 1919 г.), возглавляемая Правительством Северо-Западной области России – Н. Н. Юденич и Совет министров (председатель С. Г. Лианозов);

– Северная область (7 октября 1918 г. – 20 февраля 1920 г.), возглавляемая Временным правительством Северной области (до января 1919 г. – Н. В. Чайковский, позже –

П. Ю. Зубов, с сентября 1919 г. фактически правитель Е. К. Миллер);

– «белая» государственность юга России (31 декабря 1917 г. – 30 марта 1920 г.), возглавляемая: Донским гражданским советом – триумvirат М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. М. Каледин (31 декабря 1917 г. – 11 февраля 1918 г.); военным штабом (февраль – август 1918 г.); Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникиным и Особым совещанием (председатель А. М. Драгомиров, позже А. С. Лукомский) (31 августа 1918 г. – 30 декабря 1919 г.); правительством переходного периода (председатель А. С. Лукомский) (30 декабря 1919 г. – 5 февраля 1920 г.); Южно-русским правительством (председатель М. Н. Мельников) (5 февраля 1920 г. – 30 марта 1920 г.);

– «белая» государственность в Крыму (11 апреля – 11 ноября 1920 г.), возглавляемая Правительством юга России – Главнокомандующим Русской армией П. Н. Врангелем и Советом министров (председатель А. В. Кривошеин).

Помимо указанных правительств, также существовал целый ряд национальных государственных образований, идеолого-доктринальный диапазон которых был достаточно широк и включал в себя такие направления, как консервативно-либеральное (Бухарский эмират, Хивинское ханство, Ферганская область, Горская республика); национал-демократическое (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Польша, Украина, Азербайджан); социал-демократическое (Грузия, Армения, Алаш-Орда,

Башкурдистан, Донская республика, Кубанская народная республика, Оренбургский казачий круг). Подобное разнообразие в полной мере объясняется поиском наиболее приемлемых идей и доктрин для становления национальной государственности и правовой модели. «Для “националов” было важно полнее учитывать этнические особенности и психологию, вводить национальный язык в административное управление и судопроизводство»¹⁰. Поэтому указанные национальные государственные образования не всегда придерживались открытой антибольшевистской ориентации и, по мере развития событий Гражданской войны, поддерживали или примыкали к тем или иным антибольшевистским режимам общероссийского значения.

Каждая из указанных групп, согласно закономерности развития, в итоге приходила к объединению. Также следует добавить, что в каждой из групп имелся лишь один ведущий антибольшевистский режим, на базе которого не только произошло объединение государственных образований, но и доктрины которого определяли направления формирования конкретной правовой модели. Для первой группы образований таким режимом выступал Комуч; для второй – «белая» государственность юга России. Объединение правосоциалистических антибольшевистских государственных образований произошло в результате Государственного совещания в Уфе с 8 по 23 сентября 1918 г. и создания Временного Всероссийского прави-

тельства (Уфимской Директории). Подавляющее большинство участников Государственного совещания являлись представителями антибольшевистских правосоциалистических государственных образований или делегатами партий и общественно-политических организаций, придерживавшихся социал-демократической идеологии¹¹. По сути, на Государственном совещании в Уфе был поддержан курс, изначально провозглашенный Комучем, на реализацию постановления «О государственном устройстве России» от 5–6 января 1918 г.¹², учрежденного Всероссийским Учредительным собранием, об образовании Российской Демократической Федеративной Республики (далее – РДФР). Однако объединенная антибольшевистская государственность, базирующаяся на социал-демократической платформе, просуществовала чуть более одного месяца. В результате совершенного 18 ноября 1918 г. государственного переворота произошло крушение правосоциалистического режима. Создание Российского правительства в составе Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака и Совета министров ознаменовало приобретение либеральной демократией неофициального статуса государственно-правовой идеологии. При определении курса государственно-правовой идеологии Российское правительство ориентировалось на либерально-демократический вектор «белого» юга России, а также на некоторые уже апробированные институты. В частности, Российским правительством была заимствована

форма осуществления власти в виде конституционной (ограниченной) диктатуры.

Таким образом, вектор антибольшевистских правовых доктрин определил формирование двух основных вариантов (доктрин) правовых моделей – либерально-демократический и правосоциалистический.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать понятие «антибольшевистской правовой модели» – это прогнозируемый идеологами антибольшевизма вариант правового регулирования возникающих в России явлений и процессов, который, опираясь на определенные правовые доктрины, не признает советско-большевистскую форму осуществления власти и правовую идеологию, должен определять цели и средства формирования нового правового состояния общества, позволять создавать программные проекты для развития российской государственности и национальной правовой системы, и с учетом укоренившихся национальных традиций и ценностей социокультурного развития производить расчеты достижения реальных результатов в будущем.

Для правосоциалистической и либерально-демократической доктрин антибольшевистских правовых моделей были характерны все признаки, наличествующие у любой другой общеправовой модели:

– во-первых, они обладали легитимирующим значением, закладывающим общую концептуально ценностную основу построения и развития правовых процессов

и явлений в антибольшевистской России;

– во-вторых, они обладали должной устойчивостью, что позволяло последовательно влиять на формирование правовых связей и отношений между разными антибольшевистскими режимами, тем самым обеспечивая предсказуемость их развития;

– в-третьих, они являлись обязательными в конкретных пространственных границах, что подкреплялось механизмами принуждения;

– в-четвертых, они отражали свою идейно-ценностную основу в высших юридических актах конституционного и декларативно-учредительного характера.

Следует подчеркнуть, что в основе всякой правовой модели лежит совокупность ценностно-правовых установок, задающих определенный вектор развития как отдельных отраслей права, институтов и явлений, так и национальных и даже межгосударственных правовых пространств. «При этом значение той или иной правовой модели не всегда прямо обусловлено ее официальным признанием и юридической силой оформившего ее правового акта, а может предопределяться практикой ее применения и внедрения в правовую деятельность»¹³.

Антибольшевистские правовые модели, будучи многомерным явлением, охватывали абсолютно все области государственной власти и управления, их формы и структуру, а также сферы правового регулирования, отраслевого законодательства, правоприменительной практики. В то же время правосоциалистиче-

ская и либерально-демократическая доктрины антибольшевистской правовой модели имели свои отличия, которые выражались в следующих особенностях:

1) для правосоциалистической доктрины правовой модели было характерно: декларирование парламентской республики, договорной федерации, социал-демократического режима; реализация принципа разделения ветвей власти с усилением парламента; юридическое обоснование и узаконение «черного передела»; частичная национализация промышленности и отрицание рабочего контроля; непризнание конституционализма в качестве идеологии; принятие жесткой конституции; признание законными некоторых декретов советской власти с пересмотром в будущем всей базы отраслевого законодательства.

2) для либерально-демократической доктрины правовой модели было характерно: декларирование президентской республики (реже конституционной монархии), децентрализованной унитарной (или региональной) государственности, либерально-демократического режима; реализация принципа разделения ветвей власти с усилением главы государства и независимостью суда; узаконение «черного передела» с частичным возмещением ущерба бывшим собственникам; непризнание национализации промышленности; возведение конституционализма в ранг идеологии; формирование неписаной конституции; непризнание советских нормативных правовых актов с дальнейшей демократиза-

цией имперского законодательства, обособление некоторых отраслей права (торгового, судебного и др.).

Таким образом, несмотря на условия Гражданской войны рассматриваемые антибольшевистские правовые модели обрели вполне отчетливый образ.

Правовая модель всегда обладает высокой динамичностью. При этом следует отметить, что динамика формирования антибольшевистских правовых моделей уступала левосоциалистическому (коммунистическому) варианту. Коммунистические доктрины в правовой сфере имели огромную созидательную силу. Во многом это было обусловлено статусом государственно-правовой идеологии в советской России и антибольшевистских государственных образованиях. Идеолого-доктринальная основа правовой модели напрямую влияет на ее целевую ориентацию, отражает основные социально-классовые интересы и определяет цель будущего механизма правового регулирования и этапы решения конкретных задач. Однако антибольшевистские государственные образования открыто никогда не ставили на первое место идеологию в качестве орудия борьбы с большевизмом. Идеология в антибольшевизме никогда не устанавливала правовых норм для физического уничтожения оппонентов. А. И. Клименко пишет, что можно выделить две модели осуществления идеологической функции государства: идеократическую (опора на открытую форму использования методов осуществления идеологи-

ческой функции, либо она вообще официально не признается) и манипулятивную (опора на скрытую форму использования методов осуществления идеологической функции)¹⁴. На этом основании можно сделать вывод, что антибольшевистские режимы осуществляли идеологическую функцию по манипулятивной модели. Поэтому как социальная демократия, так и либеральная демократия никогда не имели юридического закрепления своего статуса в качестве государственно-правовой идеологии. Их статус всегда являлся неофициальным. Однако доктрины идеологии в полной мере отражались в системе права антибольшевистских государственных образований и устанавливали в ней доминирование, тем самым формируя саму правовую модель. Постановка вопроса об официальном нормативном закреплении государственно-правовой идеологии произошла только в эмиграции, после поражения антибольшевизма в Гражданской войне. Так, в 1921 г. один из лидеров конституционно-демократической партии В. В. Уляницкий высказал мысль о приоритете идеологических начал в государственной деятельности: «Партия... должна быть с теми, кто борется за личность, за право, за достойное существование всех и каждого, за государственность»¹⁵. В докладе В. В. Уляницкого выделяются ключевые идеи либеральной демократии – верховенство права, плюрализм, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод. При этом следует обратить внимание, что основополагающим в его докла-

де является стремление возведения в рамки идеологии непосредственно «конституционализма».

Более того, идеолого-доктринальные ориентиры формирующейся правовой модели помимо ведущих партийных групп (кадеты, октябристы, правые эсеры, меньшевики) также задавали национальные движения (татарское, башкирское, казахское, бурят-монгольское, карельское и др.), региональные течения (областничество, казачество), общественно-политические организации (профессиональные союзы, объединения торгово-промышленного класса и прочие), религиозные конфессии (православные, мусульмане, буддисты), требовавшие учета собственных интересов в правовой модели постбольшевистской России. Таким образом, множественные идейные течения на территории антибольшевистских государственных образований создавали не только политический и идеологический плюрализм, но и способствовали некоторому смешению различных доктрин в формируемом нормативном базисе. Примечательно, что даже возникали предложения заимствования и внедрения в антибольшевистскую правовую модель некоторых институтов лево-социалистической направленности (например, института «рабочего контроля»)¹⁶. Вследствие этого социал-демократические и либерально-демократические режимы в целях сохранения основополагающих доктрин и идеологических начал стали создавать российские аналоги западных механизмов, которые

позволяли оформить уникальность собственной правовой модели.

Вышеизложенное позволяет сделать определенный вывод. Несмотря на то что социал-демократические и либерально-демократические режимы объединяла главенствующая цель борьбы с советской властью, в вопросе о формировании правовой модели постбольшевистской России они расходились. Любая общеправовая модель, несмотря на наличие в ней спорных моментов, тем не менее закладывает идейно-векторные основы существующего правопорядка, придает ему устойчивый динамичный характер развития, предопределяет последствия принятия правовых решений и предусматривает возможность устранения возможных рисков. Антибольшевистские правовые модели (правосоциалистическая и либерально-демократическая) представляли собой внутригосударственные общеправовые модели, а потому были структурно сложными уникальными правовыми явлениями. Таким образом, следует указать, что антибольшевистские правовые модели, с одной стороны, предстают в качестве юридически оформленных доктрин и концепций (системы взглядов и представлений о развитии правовых процессов в постбольшевистской России) или идеализированного образа, преследующего цель построения демократического государства с эффектив-

ной публично-властной структурой, которая бы отвечала оптимальной социальной организации. С другой, антибольшевистские правовые модели (правосоциалистическая осенью 1918 года, либерально-демократическая к зиме 1919 г.) в результате динамичных изменений в структуре публичной власти и государственных органов, отраслевого законодательства и юридической практики уже в период Гражданской войны стали обретать облик национальной правовой системы России.

Доктрины социальной демократии и либеральной демократии не противопоставлялись друг другу вне рамок политической борьбы, ведущейся легальными ненасильственными методами. Представители этих течений были готовы к совместной работе, что подтверждается коалиционным способом управления в 1917–1918 гг. (от Временного правительства до Временного Всероссийского правительства), попытками выработать единую антибольшевистскую правовую платформу в 1919 г. (деятельность Тактического центра), комбинированием «левой» и «правой» политики в 1920 г. (Правительство юга России в Крыму). Даже несмотря на резкие различия воззрений антибольшевистских правоведов и идеологов на правовую модель будущей России, они были готовы к коалиционной политической и законодательной работе.

Сведения об авторе: Зайнутдинов Динар Рафаилович, доктор юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)», руководитель юридического отдела ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний», e-mail: knight_1988@mail.ru.

Аннотация. В статье проводится анализ формирования антибольшевистских правовых моделей под влиянием двух крупных идеологических течений: правосоциалистического и либерально-демократического. Особый акцент делается на изучении доктринального содержания указанных правовых моделей. Также автор концентрирует внимание на сходствах и отличиях правосоциалистической и либерально-демократической правовых моделей.

Ключевые слова: правовая модель, правовая доктрина, идеология, антибольшевизм, социальная демократия, либеральная демократия.

Abstract. The article analyzes the formation of anti-Bolshevik legal models under the influence of two major ideological trends: right-socialist and liberal-democratic. Particular emphasis is placed on the study of the doctrinal content of these legal models. The author also focuses on the similarities and differences between the right-socialist and liberal-democratic legal models.

Key words: legal model, legal doctrine, ideology, anti-bolshevism, social democracy, liberal democracy.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Свод Основных Государственных Законов // Свод Законов Российской Империи: в 16 т. Т. 1. Ч. 1 (ред. 1912 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 17.10.2022 г.).

2 Правовые модели и реальность: монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2014. – С. 20–21.

3 Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – С. 309.

4 Рафалюк Е. Е., Кичигин Н. В. Реализация правовых моделей: проблемы и поиск решений // Журнал российского права. – 2014. – № 5 (209). – С. 137.

5 Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 171.

6 Овчинников А. И., Фетисов Т. А. Теоцентризм русской философии права: история и современность // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 3. – С. 61.

7 Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 171.

8 Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2005. – С. 12, 13.

9 Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 25.

10 Красовицкая Т. Ю. Этнические элиты между красными и белыми: этнокультурные идеалы vs интернационализма и «непредрешенчества» // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – С. 360.

11 Прайсман Л. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. – СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова; Изд-кий дом «Галина Скрипсит», 2015. – С. 367.

12 Постановление Всероссийского Учредительного собрания «О государственном устройстве России» (провозглашение Российской Демократической Федеративной Республики) от 5–6 января 1918 года // Всероссийское Учредительное Собрание (1917 год в документах и материалах) / подгот. к печ. И. С. Малчевский. – М.: Отпечатано в 1-й образцовой типографии Гиза, 1930. – С. 113.

13 Правовые модели и реальность: монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М.:

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2014. – С. 19.

14 Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2005. – С. 7, 8.

15 Протокол № 2 заседания Варшавской группы от 28 февраля 1921 года // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. // Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. – М.: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1996. – Т. 4. – С. 197.

16 Котляревский С. А. История «Национального центра» (24 марта 1920 года) // Красная книга ВЧК: в 2 т. 2-е изд., уточн. – М.: Политиздат, 1989. – Т. 2. – С. 145.